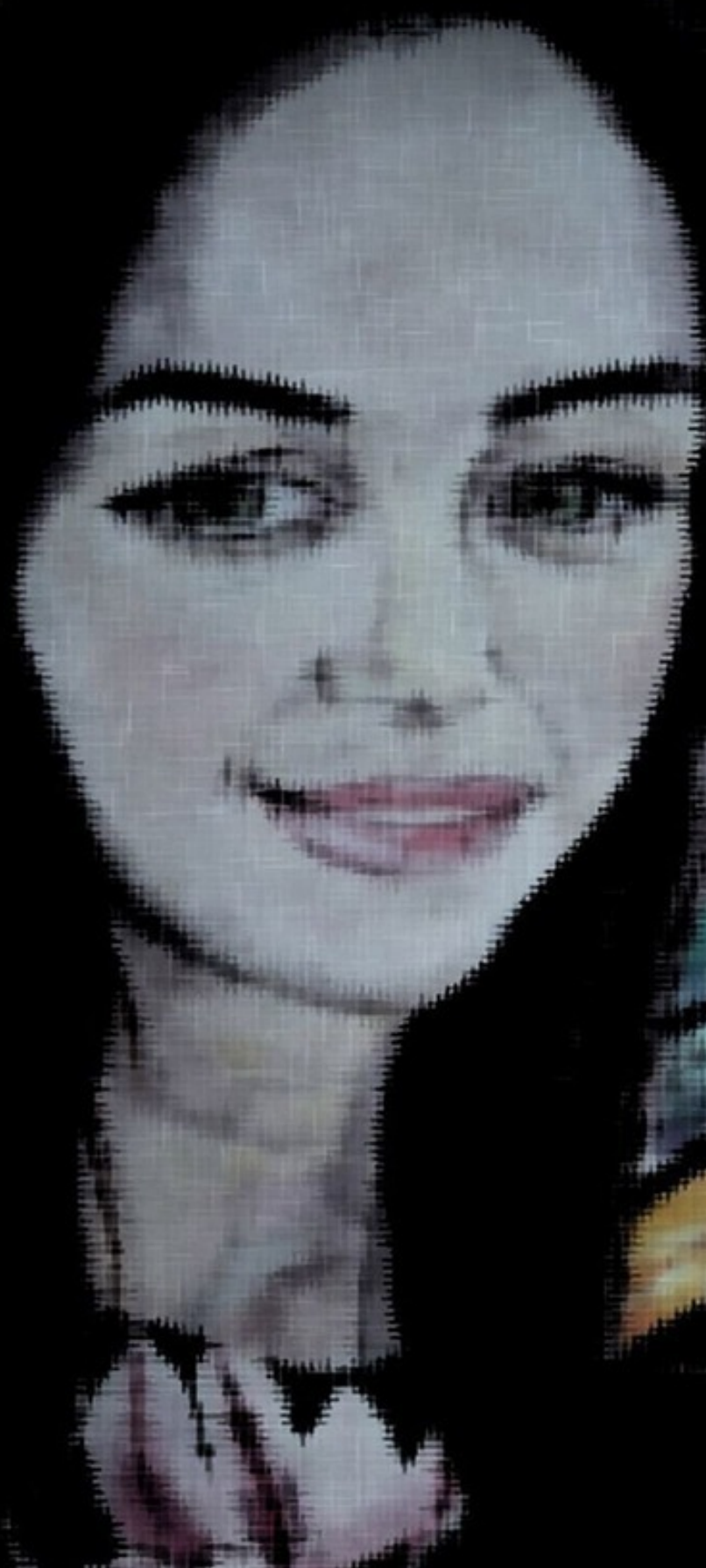

Т
З
Сбор

Тимур Юлия
ЗИМОРОДОК
Сборник новелл о любви

Юлия Тимур

**Зимородок. Сборник
новелл о любви**

«Издательские решения»

Тимур Ю. Б.

Зимородок. Сборник новелл о любви / Ю. Б. Тимур —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936741-9

«Зимородок» — сборник новелл, переплетенных между собой разноцветными ниточками, как узор вышивки: последуешь за одной ниточкой, и она приведет к очередной истории любви из вереницы следующих друг за другом эпизодов жизни героев. Зимородок — землеродок, маленькая птичка с красивым оперением, привязанная к своей норке, к земле, к своему партнеру, с которым трудолюбиво строит гнездышко, каждый год возвращаясь на то же самое место так же, как и герои новелл сборника «Зимородок».

ISBN 978-5-44-936741-9

© Тимур Ю. Б.
© Издательские решения

Содержание

Зимородок	6
Часть первая	6
Часть вторая	8
Часть третья	12
Часть четвертая	15
Часть пятая	17
Часть шестая	19
Часть седьмая	21
Часть восьмая	23
Часть девятая	25
Часть десятая	27
Часть одиннадцатая	29
Часть двенадцатая	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Зимородок

Сборник новелл о любви

Юлия Борисовна Тимур

Иллюстратор Юлия Борисовна Тимур

© Юлия Борисовна Тимур, 2019

© Юлия Борисовна Тимур, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4493-6741-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Зимородок

*Воспоминанья, как волна,
Накатывают вечерами.
Затягивает глубина —
Не вынырнуть наверх – печали
Затянут в свой водоворот.
Нет сил, нет мочи – рвутся души
Туда, где в искренний полет
Мы устремились... не потушим
Огня зажженного навек...
Но век тот оказался краток:
Слаб в своих чувствах человек!
За этот главный недостаток
Всю жизнь приходится платить.
Да не монетой звонкой, злато
Мы сможем где-то раздобыть, —
Не получается однако
Когда-то вновь нам полюбить.
А счастья миг бывает краток.
И жизнь спешит и есть один
у жизни важный недостаток:
Не повторить минувших дней.
И не вернуть нам дорогую
Любовь, ушедшую давно.
И эту истину простую
Нам всем усвоить не дано.*

Часть первая

Холодно. Нежат поднимает воротник пальто и потирает замерзшие в перчатках пальцы. Снег повсюду: выбелил ветки деревьев, засыпал пожухлую коричневую листву, местами повисшую на деревьях и упрямо не желающую падать вниз, ближе к корням, чтобы заботливо накрыть их, защитить от холода и напитать по весне своим тленом. Опоздали листья. Теперь их удел – сиротливо висеть на своих черенках на голых ветках, ожидая снежной милости, которая скроет их жалкий, потертый вид... Январь. Нежат закуривает, чтобы как-то скоротать время. В парке никого. Вечереет, все спешат разойтись по домам. Все. Только не он. Он ждет, всматриваясь в улицу напротив парка. Там пустынно, как и в его озябшей душе.

Прошло еще полчаса, и, окончательно продрогнув, он не спеша поднимается со скамейки, оборачивается, чтобы еще раз посмотреть в сторону улицы напротив парка, еще ожидая чуда, близоруко сощурившись, пытается рассмотреть силуэты прохожих. Пусто. Только снег падает на скамейку, на которой отпечатался его силуэт. Сейчас и силуэт спрячется под его покровом, как и оставленные вокруг скамейки его следы – все исчезнет, как и он сам.

Не пришла!

*А снег, кружась, летел и падал вниз, глаза и щеки обжигая.
И слезы жемчугом в глазах блистали, замерзая,
Нет, не приносит та слеза от мук любви освобожденья.*

Не убежать и не найти в реке забвения спасенья...

Ачелия внимательно разглядывает свои пальцы: длинные, изящные, с аккуратным маникюром кораллового цвета. Кожа на руках нежная, бархатистая, холеная. Кисть мягкая на ощупь. Ачелия аккуратно и немного торжественно кладет свою правую ладонь на колено: «Красивое кольцо!»

Нежат не поскупился, и два карата бриллианта огранки «принцесса» изящно смотрятся на ее длинных, тонких пальцах.

«Пожалуй, крупноват камень для моей руки и закреплен как-то ненадежно: четыре лапки перстня – единственное, что его держит в кольце. Буду снимать на ночь, а то лапки крепления расшатаются, и можно потерять такую красоту! А помолвка наша прошла отлично: и гостей было много, и ресторан заказали с красивым видом на Босфор! А платье! Какое у меня было платье! То, о котором я мечтала: фирмы „Вакко“, цвета чайной розы. Оно так подчеркнуло красоту моих каштановых волос. Нежат влюблен в меня по уши! А как же иначе? Красота и ум, ум и красота, – так говорит мой отец обо мне. А это редкое сочетание в женщине. Разве мог Орхан бей – отец Нежата и партнер моего отца – этого не заметить! И повод родители нашли отличный для того, чтобы нас познакомить: званый обед в нашем доме по случаю десятилетия фирмы. Как Нежат смотрел на меня, вернее, какие взгляды бросал на меня! Влюбился тут же! Правда, встречались мы недолго: у меня магистратура в Бостоне в январе начинается. Пройдет год, а потом мы поженимся. Обязательно!»

Часть вторая

– Неджо, сынок, почему ты не хочешь поехать в филиал фирмы отца в Анкаре? Там сейчас нужен такой специалист, как ты. Новая стройка, новые проекты – проявишь себя в качестве талантливого архитектора. Тебе не надоело все время помогать отцу здесь, работая в его фирме? Ачелия едет в Бостон и вернется через год, а ко времени ее возвращения в Стамбул, ты себя зарекомендуешь хорошим специалистом.

Мать внимательно смотрит на сына и не понимает причин его колебаний.

«Как же быстро вырос сын! Под широким, выпуклым лбом – большие карие глаза, серьезные, улыбаются редко. С детства мой Неджо был серьезен и упрям, редко шалил и капризничал, как другие дети. И сейчас прямо посередине его лба вьется своевольная прядь, он убирает ее руками, но она тут же падает ему на лоб. Дома Нежат ее закалывает, чтобы не мешала работать. Рисует. И очень прилично. Но больше увлечен архитектурой. У него много книг и современных журналов на эту тему. Хороший вырос сын – красивый, умный. Только решения принимает с трудом, будто боится сделать выбор, а может, ошибиться. Впрочем, и в детстве он никогда не наставлял на своем выборе: «Сынок, что хочешь?» «Мне все нравится, мама!» «Хочешь этот конструктор?» «Хорошо!» «А может, этот?» «Тоже можно!» И сегодня та же ситуация. словно не перерос свою нерешительность. Такое хорошее предложение у него по работе – может наконец заявить о себе, показать на что способен. А он думает и, кажется, что не готов решить этот вопрос самостоятельно.»

Мать подошла к сыну, запустила пальцы в его кучерявые волосы и шутя, немного сжала их.

– Мама! Мне больно!!! – закричал Нежат.

– Мне тоже больно смотреть на тебя, сынок, когда ты так мучаешься и не можешь принять решение.

– Мама, мне хорошо здесь, в офисе у отца. Я помогаю ему днем, а по вечерам рисую в свое удовольствие. Я не готов стать главным архитектором сейчас.

– Ты не готов? Да кто, кроме тебя, сможет справиться с таким делом? Ты прекрасно знаешь современный дизайн! Тебе пора выходить из тени своего отца, – мать говорила уверенно. У не было ни тени сомнения.

– Ты так считаешь, мама? – Нежат улыбнулся. – Впрочем, ты всегда веришь в меня и знаешь, что мне надо. Вот и по поводу Ачелии и меня, ты первая решила, что мы – прекрасная пара.

– А что Ачелия? Конечно, она прекрасная для тебя партия! Дочь партнера твоего отца, умница и красавица! Вы одного уровня ценностей с ней и в одной профессии. Придет время, вы встанете у руля нашего общего предприятия. Вам будет интересно вместе. А детки! Какие у вас будут детки: высокие, как ты, и красивые, как вы оба!

– А если не высокие и не красивые, ты не будешь их любить, бабушка? – Нежат развешился.

– Перестань говорить глупости! Ну, ты едешь в Анкару?

– А у меня есть другой выбор? – Нежат нежно поцеловал мать в лоб.

О, перекрестки, перекрестки – внезапные сплетения дорог. Куда уведут они странников случайных? Иль не случайных, просто проходящих. И взгляд внезапный – остановка на секунду, но в ту секунду можно жизнь вместить всю, без остатка. А в остатке что? Переживаний боль иль встреч награда, находка ценная, а может быть утрата чего-то важного и главного.

О, если б знать!

– Мама, ты радуешься моему отъезду, почему? Когда я уезжала учиться в Стамбул, ты грустила, а сейчас мне кажется, что ты совсем не огорчена предстоящей разлукой, – Бирсен вопросительно посмотрела на мать.

– Я очень люблю тебя, дочка, и желаю тебе только одного: что бы ты нашла свое счастье. Анкара недалеко от Амасьи, и ты сможешь приезжать домой на выходные. Жить ты будешь у моей сестры, работа предстоит интересная и та, которую ты выбрала сама. Зачем мне беспокоиться? Ну, и ты будешь далеко от Бору.

– Это, наверное, самая первая причина, да, мама? – улыбнулась Бирсен.

– Может быть, – мать попыталась увернуться от прямого взгляда Бирсен и начала нервно перебирать пальцами рук уголок платка, брошенного на плечи.

– Но мама, мы с Борой просто друзья, и я не влюблена в него, – беспечно произнесла Бирсен.

– Просто друзья, дочка, говоришь. Да он от тебя со школьной скамьи не отходит: куда ты, туда и он. Слава Аллаху, что не влюблена в него.

– А чего ты боишься, мама, он хороший друг!

– Его отец – муж моей подруги. Когда-то она была веселой и улыбчивой. У нее был талант – великолепный голос, а теперь у нее психоз и потухшие глаза.

– А при чем здесь Бора?

– Его отец – деспот, сломал жизнь моей подруге Сибель: не разрешил ей петь, приковал цепями к семье, сейчас и дочери не дает свободного воздуха. В университет не отпустил ее учиться – «пусть дома сидит»! Собственник, каких мало. Вот и Бора, что он за тобой таскается повсюду? Ты на вечеринку – он за тобой, ты в Стамбул учишься – и он, как хвост. Друг, говоришь. Нет, дорогая, любит он тебя – сама чувствуешь!

– Но я-то его не люблю! – искренне возмутилась Бирсен.

Телефонный звонок прервал разговор матери с дочерью. Бирсен тут же взяла трубку.

– Алло, привет. Да, уже собралась. Провожать? Не надо. Меня отец довезет до дома тети Белкис. Спасибо, а ты в выходные приезжай.

Бирсен опустила трубку.

– Бора? – спросила мать.

– Он.

– Кто бы сомневался! Зачем ты его позвала в выходные приехать? Зачем ты его обнадеживаешь, детка?

– Мама, он и так приедет, ты же знаешь!

– Знаю и поэтому боюсь.

– Бояться-то нечего: я уже большая, – Бирсен придирчиво стала рассматривать себя в зеркале. – Мам, а я на фотографиях хуже получаюсь, чем в жизни, правда?

– Ты – вылитая бабушка, моя мать, а та была редкой красавицей! Когда ты улыбаешься, лучики счастья бегут по твоему лицу! Ты вся – словно свет, моя милая. Вот поэтому я и не хочу, что бы кто-то этот свет потушил! Посмотри, посмотри на свои глаза: огромные, карие с зелеными крапинками – эла (на тюркском коричнево-зеленый цвет глаз), белая кожа, черные волосы. А фигура! Газель, настоящая газель!

Щеки девушки залил коралловый румянец:

– Мама!

– А что, «мама»? Это правда! Архитектор-ханым (уважительное обращение к женщине. В данном случае – шутливое). Захотела стать архитектором – стала, как отец тебя не отговаривал, как не манил работой в своих парикмахерских салонах! Нет. На своем настояла. Вот и в Анкару едешь, в новую строительную компанию прошла собеседование. Пусть все будет хорошо у тебя, детка! А я буду ждать свою газель и молиться.

Заботы тонкие нити от сердца к сердцу тянутся, переплетаясь с желаниями, рождающимися в душе. И как разорвать ту ниточку, без боли, без отвыкания, идущую от сердца любящего к другому, такому юному, пылающему в груди?

Часть третья

– *Что за птица? Смотри, дорогая, на асфальте сидит. Что за чудо? Синева – словно неба подарок, серебриста – луны отражение, а раскроет свое оперенье – солнца луч ослепит!*

– *Называют ее Зимородком, не за то, что снег она любит, роет норку в земле – землеродка: вылупляется птенчик в земле! Зимородка – так встарь ее звали!*

– *Но как странно, что делает здесь этот птах средь бетона с асфальтом, почему он сюда прилетел?*

– *Странно, милый, неужто потеря и подругу он ищет, несчастный...*

– *Где же дом его?*

– *Ближе к реке! Любит водный он чистый источник. В нем находит свое пропитанье: смело в воду ныряет охотник, доставая рыбку со дна, и любимой несет тот подарок, прилагая к нему свое сердце. Если примет подарок зазноба, то вдвоем они строят гнездо. Непростое, как многие птицы: норку роют они неустанно, чтобы было глубоким жилище, защищая потомство своё. Каждый год возвращаются снова в дом, построенный вместе с любимой. И красив птах, и сердцем ей верен, и она ему в том не уступит: вместе будут пичуги навек.*

– *Неужели такое бывает у ...пернатых?*

– *У птичек бывает, впрочем, как и у многих людей.*

– Нежат, сынок, как ты устроился? – голос матери в телефонной трубке переполнен заботой и волнением.

– Отлично, мама, небольшая квартирка в центре Анкары, недалеко от офиса. Можно дойти пешком. Я и хожу – вместо спорта.

– А чем ты питаешься? – не унималась мать.

– Голодаю, мама, и худею! – рассмеялся сын.

– Я серьезно, ответь мне!

– Мне готовит одна женщина она же и убирается в моей квартире, если что!

– Что, если что? Ты можешь обойтись без шуток? Я же волнуюсь за тебя.

– Я сама серьезность. Мама, у меня все отлично. С отцом мы уже поговорили обо всем.

– Хорошо, спрошу у него! Береги себя, сынок!

– Пока, мам, у меня вторая линия, наверное, Ачелия звонит.

– Все! Целую.

– Привет, любимый! Как ты? Скучаешь?

– Привет, дорогая, я тебе еще утром в мессенджер отправил сообщение.

– Прочла и решила позвонить тебе. Здесь весело и интересно, такой красивый город. Жаль только, пока мало свободного времени, чтобы его осмотреть. Много придется заниматься. Но я скучаю по тебе!

– А здесь нет моря и серо. И я скучаю еще сильнее. Не потому что, серо, а потому, что люблю тебя!

– И я! Напишу тебе вечером, сейчас бегу на занятия. Обнимаю!

Нежат выключил телефон. Подошел к окну и посмотрел на улицу.

«Анкара, Анкара, не пишется мне здесь. Не хватает чего-то неуловимого в воздухе. Может, голосов чаек по утрам, соленого ветра, прилипающего к коже так крепко, что не смоешь никаким душем, суеты стамбульских улиц, бесконечных пробок при переезде из восточной части города в западную, усталых и немного отстраненных лиц жителей Стамбула, спешащих по своим делам, мимолетных улыбок девушек, беседующих между собой и вдруг – вспыхива-

ющих каким-то внутренним светом: фиолетовым, желтым, розовым. Это особое свечение – вот, что интересно писать. Свечение города, улицы, дома. Не вижу его здесь. Хотя, почему? Есть у нас в офисе одна сотрудница, серьезная донЕльзя, а когда работает, даже губку прикусывает нижнюю – старательная очень. А потом, как улыбнется вдруг, невзначай, и лучики бегут по всему лицу, и сама она, как луч многоцветный. Ее портрет, наверное, я бы написал...»

– Бора, подожди! Я тебе маленький пакет дам с собой: в нем сандвич с бастурмой (вяленое мясо). Проголодаешься, пока до Анкары доберешься. По дороге наверняка будут кафе попадаться, но кто знает, как в них готовят, – мать положила маленький сверток в дорожную сумку сына. – Ну, пусть дорога будет легкой! Завтра к вечеру ждем тебя обратно!

В коридор проводить брата выбежала его сестра Гамзе:

– Братик, ты такой красавец! Полюбит тебя твоя Бирсен, вот увидишь! Просто не может не полюбить. Я бы точно в тебя влюбилась!

Бора погладил сестру по щеке:

– Спасибо, родная! Полюбит-не полюбит – это не важно! Моей любви на двоих хватит!

С этими словами он повернулся к двери, открыл ее и скрылся в темноте подъезда.

– Мама, Бора уже вышел из дома. Иди, вместе ему из окна помашем! Ты что, плачешь? – Гамзе вопросительно посмотрела на мать. – Он завтра вернется.

– Ничего, детка, не обращай на меня внимание, ты же знаешь, у меня нервы не в порядке. Вернется, конечно. – Сибель быстро промокнула глаза салфеткой и попыталась улыбнуться. – Я сейчас, только таблетку приму.

Она вошла в комнату и остановилась в задумчивости

«Таблетка, а где же может быть она? Вчера на тумбочке лежала упаковка таблеток, возле телевизора. Выпьешь эти таблетки, и ходишь как сонная муха весь день.»

Сибель быстро посмотрела на себя в зеркало.

«Глаза опухшие, мешки какие! Лицо тоже слегка одутловато».

Она втянула щеки и руками подтянула кожу на щеках к подбородку. Неожиданно улыбнулась произошедшей в лице перемене:

«Ну надо же, выгляжу почти как в те времена, когда пела в консерватории! Только смотреть на меня теперь нужно издалека.»

Сибель поднялась с кресла, подтянула живот, положила ладони на него, сильно нажав, набрала полные легкие воздуха и собралась запеть. Потом рассмеялась, качнула головой, махнув рукой своему отражению в зеркале :

«Совсем с ума сошла! Что дочь подумает! А ведь я пела когда-то и очень хорошо. Учителя в консерватории считали перспективной оперной певицей. Если б не муж... А что муж? Вот и моя подруга считает его виновником всех моих несчастий. Он ревновал меня по молодости сильно. А я любила его так, что сердце вырывалось из груди, как только его видела. Чтобы он не ревновал меня, я бросила сцену. Он сам не просил об этом, но его глаза, как они смотрели, когда я пела в опере! Достаточно одного его взгляда на моих партнеров по сцене, чтобы понять, как он переживает. А покой в семье – самое важное. Не умеет муж делить тех, кого любит, ни с кем и ни с чем. Вот и Гамзе не захотел в университет в Стамбул отпустить: как она там будет одна? Девочка, такая домашняя, если только с братом. А у Бору хорошая работа подвернулась здесь, в Амасье. Сердце у мужа за всех нас болит. А мой сын... Бора, любит Бирсен точно также, как я мужа: преданно, верно. Хорошая получилась бы из них пара: оба красивые, статные. Может, и дождется он ее любви. Если, конечно, любви можно дожждаться. Какой уж тут покой матери! Где же эта таблетка?»

Сибель вспомнила, зачем пришла в комнату, и застучала ящиками стола, по очереди выдвигая их.

«Где же таблетка? Мне уже дурно! Волна тревоги поднимается в груди. Сейчас ее обруч сдавит мне горло. Воздуха, воздуха не хватает! Не могу вздохнуть!»

Сибель закашлялась и увидела таблетку на прикроватной тумбочке.

«Слава Аллаху! Нашлась!»

– Мама, с тобой все в порядке? – Гамзе вошла в комнату со стаканом воды. – Я услышала твой кашель.

– Ты вовремя, детка, я как раз нашла лекарство. Дай мне стакан, я запью таблетку.

Часть четвертая

– Бирсен, я давно мечтал съездить вместе с тобой в Улус (старый город в северной части Анкары). Хорошо, что мы выбрались в эти выходные. Меня античные постройки завораживают, – Бора преувеличенно серьезно смотрел на девушку.

– Конечно, Бора, спасибо, что ты мне составил компанию, но с каких это пор тебя интересуется архитектура? – снисходительно улыбнулась Бирсен.

– А с тех самых пор, когда это стало интересно архитектору-ханым!

– Бедняжка, значит на самом деле то, что мы видим сейчас, тебе абсолютно безразлично? – Бирсен перестала улыбаться.

– Нет, что ты! То, что я вижу сейчас перед собой, мне совсем небезразлично, в отличие от тебя.

– Ты опять? – грустно вздохнула девушка. – Мой самый хороший друг не может быть мне безразличен. Посмотри лучше, какая уникальная мечеть: квадратной формы, с одиночным минаретом. Знаешь, как она называется? Мечеть Алладина.

– Это то, что мне нужно! – искренне обрадовался Бора.

– В каком смысле?

– В смысле, пойду искать лампу Алладина. У меня накопилось много желаний для джинна!

– Каких, например? – Бирсен вскинула брови. – Ты мне расскажешь о них?

– Конечно, первое мое желание, что бы ты стала такой маленькой, что я смог бы положить тебя в нагрудный карман моего пальто и всегда-всегда носил с собой – ты была бы защищена и согрета теплом моего сердцем!

– О, а у меня ты забыл спросить, хочу ли я сидеть всегда в кармане? – Бирсен сделала вид, что рассердилась.

– Не сомневаюсь, что не захочешь, поэтому у меня есть еще одно желание для джинна.

– Какое же?

– Что бы ты захотела всегда быть со мной, – тихо и серьезно произнес Бора.

Бирсен быстро отвела глаза в сторону, не выдержав взгляда Бора, и меняя тему, бодро сказала:

– Пошли в Музей Анатолийских Цивилизаций! Там все пропахло стариной, там есть экспонаты от эпохи неолита до Османской империи!

– Ну, если только от эпохи неолита, а так бы не пошел, конечно. Слушаю и повинуюсь, моя госпожа, – теперь уже Бора шутливо склонил голову.

Осенью в Анкаре особый запах, непохожий на запахи других городов: запах влажной земли, смешанный с опавшими, немного перепревшими листьями. Этот запах рождает зависимость, вызывает приступы невольной меланхолии, тихой грусти, вползающей в подсознание, непрошено, вначале робко, а затем погружая человека в тоску и уныние.

И сама осень, в первой половине своего царствования, подарив роскошный красно-оранжевый наряд листьям, сделав праздничными улицы города, вступив в свои полные права, нещадно рвет ветрами алую красоту, разбрасывая ее тут и там, без сожаления заливая ее дождями, старательно смывая все признаки прошедшего праздника, и погружает город в серость: домов, улиц, парков. Небо добавляет свинцовые краски в монолитный пейзаж и осыпает слезами город до той поры, пока выплакав всю свою силу, не решит прикрыть белым покровом опустылившую серость, спохватившись, расплавляется снегопадом.

Неожиданно благоприятный сезон для влюбленных, чьи тела и сердца ищут тепла, продрогнув на ветрах, и тоска гонит людей друг к другу в надежде отогреться и воспрянуть душой.

Опасная меланхолия – такая зыбкая почва для любовной болезни, готовой вспыхнуть на этом ненадежном фундаменте.

– Бирсен, а ты отличная модель! Можешь сидеть не двигаясь часами! – Нежат, не стесняясь, рассматривал девушку, а потом посмотрел на разложенный перед ним лист бумаги. – Еще немного и набросок будет готов!

Бирсен, слегка улыгнувшись уголками рта, ответила:

– Когда попозировать просит патрон, онемение и обездвиживание воспринимается как часть работы, поэтому особо натуралистично!

Нежат удивленно вскинул брови:

– А-а-а, это собранность отличного работника! Ну что ж, работник старательный, посиди еще немного, мне осталось совсем чуть-чуть!

Нежат долго не мог решиться предложить девушке попозировать ему для портрета: новая молоденькая сотрудница, с которой они обменивались формальными приветствиями да и только, выглядела чрезвычайно серьезной, и ему никак не удавалось придумать подходящего повода, чтобы заговорить с ней.

Повод неожиданно появился сам по себе: девушка никак не могла принять окончательное решение по планировке устройства фасада будущего здания, а это тормозило сдачу проекта и составление сметы строительства. Нежат предложил ей свою помощь, и они вместе пришли к окончательному варианту, обсудив все «за» и «против».

Когда работа была закончена, Бирсен обратила внимание на женский портрет, стоящий на столе Нежата:

– Какая красивая женщина!

– Спасибо! Это моя мать, – ответил Нежат.

– Хорошая работа!

– Я раньше много рисовал.

– А почему только «раньше много рисовал»? Что мешает заняться живописью сейчас?

– Вдохновение не посещает, вот если б только попробовать сделать наброски с натуры, пару эскизов, – вздохнул Нежат.

– Натура ускользает? – улыбнулась Бирсен.

– А вот вы, согласились бы мне попозировать? – Нежат ловко воспользовался удобным случаем.

– Я? – удивилась Бирсен.

– А почему вы удивились? Мы весь день в офисе, писать дома и улицы – некогда и не хочется: в нашем архитектурном бюро и без того хватает чертежей и планов домов. Приелось, обязателька, своего рода. А в вас есть интересное свечение.

– Что? – не поняла Бирсен.

– Это не столь важно для вас, это для меня важно, особый свет что ли... – Нежат слегка смутился.

– Ну, если свечение, – нерешительно протянула Бирсен, – хотя, а почему бы нет? Думаю, это не займет много времени, и с работы я не буду поздно возвращаться.

– Конечно, нет! Всего пару набросков! Обещаю накормить, если процесс затянется.

Часть пятая

*Когда приходит вдруг любовь,
Она не станет наваждением —
Заполнит всё своим свечением,
И унесёт тишь вечеров.
Вмиг оборвёт все провода,
Связующие с прошлой жизнью —
По ней придётся справить тризну
И отрешиться навсегда.
Потом забыть и о привычном,
Отбросив тяготы рутины, —
И станет для двоих иным
Тот мир, что раньше был обычным.*

– Привет, Нежат! Тебя затащила серость города? Куда пропал? – голос Ачелии в трубке вывел Нежата из задумчивости.

– Дорогая, я не пропадал! Я здесь. Я кинул тебе сообщение утром в почту телефона.

– Когда было это утро, Нежат? Неделю назад? – Ачелия рассмеялась.

– Неужели я так заработался, что потерял счет дням? – голос Нежата потерял былую уверенность.

– Ничего! Это значит, что ты у меня безумно работоспособный! Ты хоть успеваешь отдыхать?

– Нет, как пчела тружусь. Теперь вот взялся за кисти.

– О, да ты молодец! Зря времени не теряешь. Я вот тоже вечером хожу на дополнительные занятия. Английский у меня хоть и хороший, но хочу чтобы он у меня был совершенным. Устала. В выходные поеду на север, в Нью-Гэмпшир, там, говорят, такая природа великолепная: горы, озера. Вот где бы ты ощутил прилив вдохновения! А мне отдохнуть не помешает! Так что, пожалуйста, не ищи меня и зря не волнуйся. Хотя... поволнуйся и поскучай! А то стал забывать о своей любимой девочке.

– Хорошей поездки! Буду страшно скучать и обязательно оборву твой номер телефона, дорогая!

Нежат положил трубку и задумался: «Как быстро пролетела неделя, и почему я не вспомнил об Ачелии? Как странно. Чем же я был так занят? Проектом, конечно, на работе. Он занял много времени. Засиживался в офисе. И эта девушка... Бирсен – лучики счастья. Думал, что справлюсь с портретом быстро. Но нет, ускользает что-то притягательно-неуловимое в ее образе, этот сгусток энергии, окрашивающий всю ее необычным свечением, что-то в ее глазах... в улыбке, подобной цветку, распускающемуся на заре при появлении первых солнечных лучей, сначала робко, потом уверенно раскрываясь навстречу светилу. А свет – он из глаз ее струится, зарождаясь в радужке, как искра, а затем выплескивается щедро на лицо, пощекотав кончик носика, прячется в ямочке на щеке и озорно выглядывает оттуда. Как это уловить? И все пропорции правильно переданы, но нет, нет жизни в портрете. Сегодня уговорю ее встретиться в выходные. Мне нужен свет, а не тусклые лампочки офиса. А потом, потом можно вместе перекусить. Не бросать же ее голодной в выходной день?»

Нежат решительно взял в руки телефон и набрал номер Бирсен.

– Аллю, – тут же услышал он ее голос.

– Привет, это я – Нежат! Хочу пригласить тебя встретиться в это воскресенье. Не выходит у меня твой портрет. Думаю, что дневного света не хватает. Помогли патрону еще раз, пожалуйста! (Нежат и не заметил, что перешел в разговоре с девушкой на «ты».)

– Нежат, привет, попробую, конечно, – девушка задумчиво растягивала слова. В выходные собирался приехать Бора, и они хотели вместе погулять по городу.

– Решайся! Это много времени не отнимет! Хотя, разумеется, я буду просто обязан тебя еще и накормить.

– Можно я перезвоню вам, то есть тебе?

– Хорошо! Буду ждать и надеяться.

Бирсен повесила трубку и минут пять не решалась сделать следующий звонок. С одной стороны, ей нравилась неожиданная работа моделью у Нежата. С ним было интересно и легко одновременно. И... он такой необычный, по-особому рассказывал Бирсен о ней самой, говорил ей о том, чего она в себе никогда не замечала. Он, как и ее мать, все время твердит о каких-то лучиках, которые теперь не может поймать. Неуловимые мои лучики! С другой стороны, что сказать Боре? Что! Правду, конечно, ну или почти всю правду...

– Алло, – Бирсен уверенно начала разговор, набрав номер друга. – Бора, как дела? Хотела тебе сказать, что в эти выходные встретиться не удастся. Почему? Патрон попросил помочь ему и немного поработать... (Бирсен никак не могла сказать правду о портрете). Да, это плохо работать в выходные. Ты прав. Но обещаю увидеться с тобой в следующие выходные. Что? Ты все равно приедешь и подождешь? Не стоит... Пока.

Подождала еще минуту и набрала еще один номер.

– Это я! Хорошо, Нежат! Я согласна. Давай поработаем в воскресенье. – Бирсен отчего-то раскраснелась

Часть шестая

– Я уже боялся, что ты не придешь! Надо было заехать за тобой на машине, но сразу не догадался – не знаю твоего адреса, а потом ты уже села в метро и до тебя не дозвониться было, – Нежат обрадованно посмотрел на Бирсен.

– В метро я отключаю телефон, – немного смутившись, ответила Бирсен. На самом деле ей с утра звонил Бора и грозился приехать, чтобы подождать Бирсен у офиса, пока они будут работать с шефом, а этого ей совершенно не хотелось. И она сказала ему, что в телефоне садится батарейка, и она будет вынуждена его отключить.

– Погода сегодня с утра не задалась: дождь и серость. Я уж начал переживать за...

– Свет и лучики, – улыбаясь, перебила его Бирсен, – которые и сегодня не удастся поймать?

– Переживать за то, как ты доберешься до офиса в такую погоду, во-первых, а потом уже за твой ускользающий свет, – примирительно произнес Нежат, – который исчезнет, не появившись. Но тут погода преподнесла очередной сюрприз и дождь закончился.

Погода осенью в Анкаре переменчива также, как и настроение женщины. Сначала она выльет на тебя всю горечь прошедших дней и преследующих ее разочарований, долго и иступленно будет лить слезы, которые непременно сопровождают ее бесконечные упреки, затем, чтобы усилить произведенное впечатление, предложит спецэффекты в виде сверкнувшей молнии и, опустошившись, с некоторым внутренним облегчением, призовет на помощь ветер, как главный аргумент в необходимости важных перемен. Апофеозом станет вышедшее солнце, примиряющее всех с происходящим, чудесным образом преобразующее серость пространства, оказавшегося в бриллиантовой россыпи слез, оставленных повсюду и сверкающих под его ослепительными лучами. Ну не прекрасно ли то, что я сделала? Говорят ее кокетливо-наивные глаза...

– Получается? – решила спросить Бирсен, чтобы прервать затянувшееся молчание: Нежат уже минут тридцать сосредоточенно водил карандашом по бумаге, изредко бросая взгляды на девушку.

– Смотря что, – выдал из себя Нежат.

– Я о портрете...

– А, о портрете... получается, какой-то девушки лицо глядит с листа бумаги на меня, – иронично произнес Нежат.

– Да ты почти поэт!

– Скорее, да, поскольку девушка не та! – Нежат раздраженно положил карандаш.

– Можно мне взглянуть?

– Да на здоровье! Может, подскажешь, кто это?

Бирсен долго и с интересом рассматривала набросок и наконец произнесла:

– Это я, но...

– О, заинтересованный эксперт признал сходство портрета с собой!

– Ты не дослушал! Предлагаю поработать над длительным акварельным этюдом: сперва сделай контур кистью на отдельном листе бумаги. Потом более уверенными мазками работай над портретом на акварельной бумаге. Поработаешь над контуром, а потом над светом, усиливая его: от светлого к темному.

Нежат, застыв, ошеломленно слушал девушку, как будто увидел ее в первый раз. Ее сверкающие лучи, подаренные ей природой и льющиеся из прекрасных глаз, в момент собранности и серьезных откровений приобрели новые оттенки и перешли из светлой палитры в область сиренево-лиловых красок. И чем больше она рассуждала, тем краски сгущались сильнее. Наконец, устав от монолога, девушка улыбнулась, вернувшись в привычную для глаз Нежата сверкающую область мятного свечения, и произнесла:

– У тебя все получится!

Нежат вздрогнул и подумал, что где-то уже слышал эту фразу и, выйдя из оцепенения, сказал:

– Ты меня удивила! Ты рисуешь акварелью?

– Немного, – и помолчав добавила:

– Это было раньше. А сейчас меня все больше интересует архитектура. Прости, не хотела тебе давать советов. Но в случае с моим портретом необходима послойность, – улыбнулась Бирсен.

– От светлого к темному! Впрочем, не пора ли нам перекусить? А в следующий раз будем красками писать этюд. Теперь уж тебе точно не отвертеться! Бирсен, ты же одновременно и натура, и эксперт!

Когда они вышли из офиса и сели в машину Нежата, какая-то тень отделилась от стены – человек не спеша прошел мимо.

Часть седьмая

«Не заметила. И не собиралась замечать. Эти двое так быстро вышли из подъезда офиса и тут же сели в машину. Я не успел и слова сказать. Или не смог? Они смеялись... а шеф ее очень молод... Куда они поехали? И зачем? Работа, по-видимому, закончена. Он решил подбросить Бирсен до дома? Однако слишком заботливый начальник,» – холодок недоверия кольнул в сердце Бору.

– Бирсен, алло, как хорошо, что ты наконец ответила, никак не мог до тебя дозвониться, – голос Бору звучал уверенно.

– Я же говорила тебе, что отключу телефон: у меня заканчивалась зарядка, – начала свои объяснения Бирсен.

– Я приезжал в Анкару и ждал тебя возле офиса, – Бора решительно перешел в наступление.

– Зачем? – удивилась Бирсен.

– Чтобы сделать тебе сюрприз.

– Удалось? – немного насмешливо спросила девушка.

– Нет, – без тени смущения произнес Бора. – Зато увидел много интересного.

– Например? – не сдавалась Бирсен.

– Как ты работаешь по выходным.

– Я помогаю шефу... – начала Бирсен.

– Заполнить свободное время, – продолжил Бора.

– Написать картину! – выдохнула Бирсен. – И вообще, что за допрос?

– Ты его настолько хорошо знаешь, чтобы помогать в свободное от работы время? – голос Бору невольно дрогнул.

– Бора, ты мой очень хороший друг. Мы знаем друг друга с детства. Ты мне дорог. Но твои вопросы... они немного неуместны. Я взрослый человек и сама решаю, как мне воспользоваться своим свободным временем. Я не хочу поспорить с тобой и не пойму, в чем ты меня подозреваешь, – Бирсен старалась говорить спокойно.

– Я не подозреваю, я переживаю за тебя, ты мне тоже дорога, – Бора замолчал, а потом добавил:

– Как друг... Я не знаю, что за человек твой шеф. Может, и очень хороший, а, может, и нет. И что он хочет от тебя?

– Помощи и я помогаю!

– Я понял. Но помощь... она бывает разная. Надеюсь, что смогу тебя увидеть в следующие выходные. Или ты опять будешь «помогать»?

– А почему ты разговариваешь со мной таким язвительным тоном? Да, мы собирались встретиться...

– А, вы уже собираетесь встретиться, а не поработать, как ты уверяла меня минуту назад, – в голосе Бору упрек.

– Но ведь ты тоже собираешься со мной встретиться, и в этом нет ничего предосудительного! Мы гуляем с тобой по городу и просто болтаем! – попыталась отшутиться Бирсен.

– Я – это другое дело! Если бы ты позволила, ну, или просто разрешила, я бы никогда не расставался с тобой! Я честен в своих намерениях. А знаешь ли ты этого человека также хорошо, как и меня? – голос Бору задрожал от волнения.

– Бора, я знаю... Я все понимаю. Не стоит так волноваться за меня. Я позвоню тебе ближе к выходным. А сейчас мне пора заняться делами. – Бирсен спешно положила трубку.

«Моя маленькая девочка, она может быть такой наивной! Ну нет, я все узнаю об этом „шефе“, обязательно! И если..., нет, если он нечестен, а что если? Она же не любит меня...»
На лице Бору отразилось страдание.

– А сегодня все гораздо лучше получается! – Бирсен взглянула через плечо Нежата на набросок. – Мазки увереннее, и цвета так хорошо смешиваются.

Нежат оторвался от работы и, приподняв лицо, встретился глазами с девушкой. Её глаза, не моргая, смотрели в самое сердце Нежата, огромные, со светящимися в глубине радужки разноцветными точками, они обожгли его, тонкий, едва уловимый запах бархатистой кожи (что у нее за парфюм?) накрыл его волной, заставляя сердце полететь в пропасть, он сделал попытку удержаться на краю, отпрянул назад, чтобы обрести шаткое равновесие, но сквозь розовое марево тумана, заставшего его глаза, как свежий цветок навстречу пламени открылся освежающий бутон ее губ.

*Лучик счастья, мне запах твой сладок!
Он за ушком начало берет,
Пробегаешь по шейке, в прохладе
Спелых сочных двух яблок ведет.*

*В том саду ароматно и чудно.
В нем могу бесконечно я быть.
Окунувшись в тот ключ, беспробудно
Обо всем, обо всем позабыть...*

*Нежность кожи, ладоней прохлада,
Шёлк струящихся мягких волос —
Утешенье губам, глаз услада.
...Я сегодня твой запах унес.*

А телефоны звонили и звонили. Пока не были выключены чьей-то уверенной рукой.

Часть восьмая

Длинный гудок – и тишина падения в пропасть, опять гудок – и снова пропасть секундной тишины, но глубина ее – до самого сердца, до гулкого набата, стучащего в висках Боры. А потом неожиданно пулеметная очередь коротких гудков, без сожаления расстреливающих последнюю надежду приговоренного к молчанию.

Губы Боры побелели, пальцы впились в телефон. На экране высвечивался номер Бирсен, а чужой голос на том конце провода рекомендовал «попробовать позвонить позднее». Бора швырнул бесполезный телефон на пол.

Услышав шум, в комнату вошла сестра Боры:

– Что случилось? У тебя упал телефон?

– Я не буду «звонить позднее», я поеду туда! – будто не слыша вопроса сестры, Бора продолжал спорить с автоответчиком.

– Бирсен не отвечает? – предположила Гамзе.

– Выключила телефон. Она там с ним.

– С кем? – удивилась сестра

– Не важно! Но он ее обманывает.

– Успокойся, Бора, ты весь дрожишь! Я принесу стакан воды.

– Не надо, Гамзе, – Бора взял сестру за руку, – принеси мне лучше сигарету. Я спрятал упаковку в ящике стола на кухне, когда бросил курить и выкурил последнюю сигарету из пачки. А ту пачку выбрасывать не стал. Мама на кухне, я не хочу, что бы она меня увидела в таком состоянии и расстроилась.

Гамзе хотела возразить, но, увидев умоляющий взгляд брата и его побелевшее лицо, не стала спорить.

Бора затянулся сигаретой и тут же закашлялся на секунду:

– Надо же, отвык!

Вторая затяжка вернула ему душевное равновесие.

– Гамзе, я еду в Анкару. Не хочу попадаться на глаза матери: она все поймет... Отвлеки ее, а я потихоньку выйду из дома.

– Что ты задумал, брат? – Гамзе тревожно посмотрела в глаза Боры.

– Ничего страшного не произойдет, не волнуйся, милая, я хочу просто поговорить с ним. Бирсен мне нечего сказать: она мне только друг и... этот друг не хочет меня больше видеть и даже слышать.

Бора не заметил, как прошли три часа поездки на машине, и как он въехал в Анкару. Спидометр его машины четко показывал 100 км. Хорошо, что на трассе не было много машин и полицейского контроля. Время выдалось такое: рабочий день еще не закончился, обеденный перерыв давно прошел, и основная масса людей добросовестно трудилась в офисах, не создавая пробок на дорогах.

«Только бы он вышел без нее, только бы без нее,» – крутилось в голове у Боры, пока он искал парковочное место ближе к офису Нежата.

«Каков нахал, встречается с Бирсен, а у самого невеста есть. Обманывает обеих.»

Через своих знакомых Бора навел справки о Нежате в Стамбуле. Оказалось, что троюродная тетя Боры работает в косметическом салоне, где часто бывает мать Нежата. Последняя похвалилась размахами помолвки сына и заказала специальный праздничный макияж на дому по такому случаю. Всей этой информацией тетя поделилась с племянником, не ожи-

данно заинтересовавшимися ее клиентками. Совпадение? О, нет, чтобы найти это «совпадение» Бора задействовал целую агентуру родственников, проживающих в Стамбуле.

Дверь офиса открылась и на пороге появилась группа сотрудников. Они быстро исчезали в темноте: кто-то шел на остановку автобуса, а кто-то садился в машину. Среди них не было Бирсен. Бора посмотрел на часы. Рабочий день закончился, но она задерживается. Горькая усмешка исказила лицо мужчины.

«Кажется, это она!»

Легкая фигурка выпорхнула из дверей и заспешила в сторону остановки.

«Она, только она умеет так стремительно ходить, словно еще чуть-чуть и, оторвавшись от поверхности земли, взлетит. Только бы она не поджидала своего шефа где-нибудь в условленном месте.»

Боре очень не хотелось откладывать этот разговор.

Но вот к остановке подошел автобус, и Бирсен вместе со всеми запрыгнула в него.

Боре пришлось подождать еще некоторое время. Чтобы немного размяться и выкурить сигарету, он вышел из машины. В тот самый момент дверь офиса распахнулась, и на пороге возник высокий мужчина.

«Похоже, это он!» – Бора не был уверен: на улице темно, видел он Нежата только раз.

«Подойду поближе».

– Нежат! – окликнул он спешившего мужчину.

Мужчина оглянулся и подслеповато сощурил глаза, пытаясь рассмотреть говорившего.

– Мы знакомы? – через пару секунд спросил он.

– Не думаю, – покачал головой Бора, – мы знакомы с одной и той же девушкой: Бирсен.

Нежат резко вскинул глаза на говорившего:

– Это сотрудница моего офиса. А вы ей, собственно, кем приходитесь? – Нежат, не стеснясь, смерил мужчину взглядом с головы до ног.

– В отличие от вас я говорю только правду: я ей друг, а вот кто вы, обманывающий ее и еще одну девушку, я и собираюсь сейчас понять, – Бора решительно сжал кулаки.

– Друг! – развеселился Нежат. – А кто вас сюда пригласил? Думаю, не Бирсен, и почему я должен что-то вам отвечать? – Нежат собирался пройти дальше и сесть в машину, которую он припарковал в двух шагах от офиса. Но мужчина решительно перегородил ему дорогу.

– Меня привело сюда сердце, а у вас, похоже, его нет, – практически прокричал он в лицо Нежату.

– Мое сердце – это не твое дело! Если я и буду перед кем-то отчитываться, то это явно будешь не ты! – Нежат начинал злиться.

– Скажи ей правду! – закричал Бора.

На громкие голоса стали останавливаться прохожие, а из офиса вышел охранник.

– Патрон, нужна помощь? – спросил он.

– Пока нет, – попытался улыбнуться Нежат.

И в этот момент Бора потерял самообладание. Красная горячая кровь фонтаном ударила ему в голову, застлала кровавой пеленой глаза, он резко выбросил вперед руку, сжатую в кулак, и ударил в эту улыбку, в этот, как ему показалось, насмешливо искривленный рот.

Охранник накинулся на Бору и тут же скрутил ему руки за спиной, а у Нежата вдруг стал теплым подбородок: кровь пролилась из разбитой губы.

– Отпусти его, – сказал Нежат охраннику. – А ты больше не суй нос в чужие дела, «друг». Разберемся без тебя.

Нежат достал платок, промокнул им разбитую губу, потом беспрепятственно сел в машину и уехал.

Часть девятая

Не успел Нежат проехать и пяти минут, как в машине раздалась трель телефонного звонка.

– Нежат, сыночек, как ты? Что-то в последнее время ты нас не балуешь своим вниманием.

– Я только вчера тебе звонил, мама, – Нежат попытался улыбнуться, но губа тут же дала о себе знать ноющей болью. – И кого это «нас»?

– Самых дорогих для тебя людей: меня, отца, Ачелию, – мать трагически вздохнула. – Кстати, ты мне вчера не звонил. Ты не заболел? И голос у тебя немного странный, у тебя насморк?

– Я еду из офиса, разговаривать в машине неудобно, вот и кажется, что я простужен.

– Успокой! Ты не забыл, что через неделю приезжает в Стамбул Ачелия? У нее каникулы. Мы тебя ждем к выходным!

– Я все помню! Буду мама! И я тебя! Пока!

«Не забыл? Нет не забыл... Ачелия. Имя прозвучало, как хлесткий удар. Ачелия... можно ли применить „забыл“ к тому, что с ним сейчас происходит? Надо разобраться... И этот парень со своими словами... А ведь придется объясняться, рано или поздно. В Стамбул, в Стамбул. Конечно, надо в Стамбул. Может, все и к лучшему...»

Нежат дотронулся до губы – она продолжала кровоточить.

Телефон зазвонил вновь. Нежат взял его в руки и увидел на мониторе номер Ачелии.

«Просто телефон разрядился, нет, не сейчас.»

– Ты хорошо это придумал: погулять в Гельбаши. Я люблю озера, вообще воду. Она чистая и не терпит лжи: под ней все видно, как на ладони, как и мои чувства – они под кожей, внутри меня, но ты их видишь в моих глазах, а я – в твоих! – Бирсен посмотрела пристально в глаза Нежата. Прыгающие в радужке ее глаз разноцветные зайчики ослепили его своим сиянием, и он невольно отвел взгляд.

– Что не так? Ты так не думаешь? Почему ты не смотришь в мои глаза? Меня это беспокоит! – Бирсен попыталась поймать его взгляд.

– Ты ослепляешь меня своим светом, – Нежат шутливо отвернулся от лица девушки.

Бирсен засмеялась:

– О, извини, больше не буду!

– Нет, будь-будь! Мне это нравится. Посмотри опять на меня, – попросил Нежат.

Теперь уже Бирсен начала уворачиваться от его взгляда.

– Я понял: ты меня приговорила к «гибели в полной темноте».

– Нет, здесь столько света! Он отражается от озера, деревьев, он повсюду, – засмеялась девушка.

– Но мне нужен только твой свет!

– О, тогда тебе придется носить меня все время с собой.

– Я готов! – Нежат схватил девушку на руки.

Но тут в конце дорожки он увидел прохожих, и, смутившись, опустил Бирсен на землю.

– Быстро же ты устал! – Бирсен с укором посмотрела на него.

– В парке таклюдно, – начал оправдываться Нежат. – Пойдем лучше позавтракаем! У меня с утра ни крошки хлеба во рту!

– Нежат, смотри, ты видишь эту птичку? – Бирсен вытянула палец в сторону дороги.

– Что за птица? Смотри, дорогая, на асфальте сидит. Что за чудо? Синева – словно неба подарок, серебриста – луны отражение, а раскроет свое оперенье – солнца луч ослепит!

– Называют ее Зимородком не за то, что снегА она любит, роет норку в земле – землеродка: вылупляется птенчик в земле! Земородка – так встарь ее звали!

– Но как странно, что делает здесь этот птах средь бетона с асфальтом, почему он сюда прилетел?

– Странно, милый, неужто потеря и подругу он ищет, несчастный...

– Где же дом его?

– Ближе к реке! Любит водный он чистый источник. В нем находит свое пропитанье: смело в воду ныряет охотник, доставая рыбежку со дна, и любимой несет тот подарок, прилагая к нему свое сердце. Если примет подарок зазноба, то вдвоем они строят гнездо. Непростое, как многие птицы: норку роют они неустанно, чтобы было глубоким жилище, защищая потомство своё. Каждый год возвращаются снова в дом, построенный вместе с любимой. И красив птах, и сердцем ей верен, и она ему в том не уступит: вместе будут пичуги навек.

– Неужели такое бывает у ...пернатых?

– У птичек бывает, впрочем, как и у многих людей.

Часть десятая

*Разлука омутом холодным затянет крепкую петлю,
И вдалеке от глаз любимых не забывай, что я люблю,
Что расстояния – не важны: все я смогу преодолеть,
Чтоб снова быть с тобою рядом и ни о чем не пожалеть...*

*Уходят запахи и звуки, и исчезает силуэт.
Он растворяется в пространстве – меж нами пропасть
долгих лет.*

*Тепло и нежность беспощадно унес разлуки ураган.
А милосердный снег присыпал пылающую горечь ран...*

*Не полюбить, но... вспыхнул новый в истлевшем сердце уголек.
И плоть, уставшая от боли, нашла надежды уголок.
Храни от сквозняков ту пристань и от штормов, что налетят.
Доверие разрушить просто: слова его не возвратят.*

С первым человеком, с кем собирался поговорить Нежат по возвращению в Стамбул, была, конечно, мать. Именно от нее он ожидал услышать слова поддержки и втайне надеялся, что она поможет ему избежать неприятного разговора с Ачелией, которой он пообещал перезвонить вечером, после разговора с матерью.

А накануне в Анкаре его провожала Бирсен. В аэропорт он не разрешил ей поехать, сославшись на тяготы возвращения из аэропорта на такси и его нелюбовь к долгим проводам. На самом же деле он просто боялся встретить знакомых стамбульцев в зале ожидания.

«Ничего! Вот поговорю со своей семьей, а потом вернусь в Анкару,» – думал Нежат.

А Бирсен смотрела на него и улыбалась.

– Тебе не грустно, что я уезжаю? – удивился Нежат.

– Нет, ты же скоро вернешься, и мы будем вместе, – глаза девушки смотрели на него ласково. – А ждать я умею. Да и работы ты нам много оставил в офисе. Скучать будет некогда. Зато, как вернешься, задушу в своих объятиях и зацелую!

– Обещаешь? Смотри, не забудь! – засмеялся Нежат. – Чуть-чуть поскучай без меня, и я вернусь! Всего какая-то неделька!

– Хорошо! – улыбнулась Бирсен. – Но я буду звонить тебе с утра и до вечера.

– Ты обещала работать, бездельница! Не забывай, что я еще и твой патрон! – Нежат шутливо рассердился. – Будешь висеть на телефоне – уволю!

– Я только иногда... – Бирсен сделала вид, что испугалась.

– Я сам позвоню, любимая.

Бирсен долго смотрела вслед отъезжающей машине.

– Влюбился, говоришь, – мать сделала длинную паузу и посмотрела прямо в глаза сына. – Это наваждение, сынок, и оно случается иногда и с мужчинами, и с женщинами. Такое бывает! Сохрани это теплое воспоминание в своем сердце.

– Это не воспоминание, это серьезно.., это совсем не то, о чем ты думаешь, – Нежат серьезно посмотрел на мать и уже готов был рассердиться.

Она опустила глаза и минут пять сидела молча. Возникла тяжелая липкая тишина, повисшая в воздухе, съедавшая кислород и наполняющая комнату маленькими искорками, от которых в любую секунду, от любого неловко сказанного слова, готово было разгореться пламя. Мать подняла голову и посмотрела на Нежата, недолго, потом вновь отвела взор и наконец продолжила:

– Ты сам должен решить, сын, что тебе делать дальше, как бы это тяжело не было. Ты сам поговоришь с Ачелией, и скажешь ей, что полюбил другую, а ваша помолвка была ошибкой. Но при этом ты не должен забывать о том, что у твоего отца обязательно возникнут проблемы в бизнесе после разрыва помолвки по твоей инициативе, так как отец невесты – его партнер по работе и владелец 80% пакета акций совместной компании. Да и репутация нашей семьи пострадает, потому что в результате мы все будем выглядеть, как ненадежные и неспособные отвечать за свои обязательства партнеры. Я, твоя мать, не успела привыкнуть к роскошной жизни. Мы всегда жили с твоим отцом сдержанно и умели экономить. Последние десять лет, после того, как твой отец стал партнером отца Ачелии, в нашей семье появился достаток. Ты получил хорошее образование, и мы позволяли себе отдыхать за границей, приобрели в собственности квартиру в престижном районе Стамбула. Вы с Ачелией росли вместе и мы, ваши родители, видели вас чудесной парой. Кроме того, и вы не возражали, а когда выросли, решили обручиться. Твой отец – талантливый руководитель, надеюсь, он сможет организовать новое дело, и мы начнем все заново. А сейчас я очень устала и хочу пойти к себе в комнату.

Мать подошла к сыну и, поцеловав его в лоб, погладила по волосам:

– Я очень надеюсь, что ты все правильно решишь, дорогой!

– Куда ты собрался, сынок? – мать вышла из своей комнаты. – Ты уже поговорил с Ачелией?

– Да, мама, – лицо Нежата осунулось, глаза покраснели.

– Так куда же ты?

– Встречу ее в Аэропорту, – голос Нежата дрогнул.

– Вот и славно! Не забудь про цветы, она любит ирисы. Да, и пора уже решить, когда состоится ваша свадьба. Отец собирался организовать вам свадебное путешествие в Европу – нужно все запланировать! – мать едва скрывала свою радость.

– Отлично, мама, ты вернула мне доброе расположение духа, наверное, только старушка Европа спасет меня, – горько усмехнулся Нежат.

– Сын, ну зачем так цинично? Ты принял правильное решение, о котором не пожалеешь. Я горжусь твоим мужеством и умом.

Часть одиннадцатая

*Она не ест, она не спит,
А все без умолку твердит,
Что он исчез, что он пропал,
Быть может, самолет упал!*

*Она лежит, она дрожит,
А, может, кем-то он убит...
И телефон его молчит.
Автоответчик говорит...*

*Она не видит никого,
Она не хочет ничего
И жизнь ей стала не мила:
Одна, одна, она одна!*

*В груди такая пустота,
Сжимает горло немота,
В виски стучится дробь проблем:
Я нем, я нем, я буду нем...*

*Мутнеет взор – я упаду
И пропаду – пусть пропаду!
Земля не держит слабых ног.
От слез ее весь день промок.*

*Ах если б позвонить он мог.
Один звонок...
Но немота
И пустота,
И тошнота,
И тень вокруг—
Придет он вдруг...
Замкнулся круг...*

– Бора, милый, приходи к нам! Я не знаю, как помочь Бирсен. Она вернулась из Анкары совершенно другим человеком, чужим, опустошенным. Почему она бросила там работу? Зачем так стремительно приехала домой. Что с ней там произошло? Да ты и сам видел: ее лучистые глаза стали серыми. Она продолжает голодовку, она молчит и лежит весь день на кровати, отвернувшись к стене. Ночью сидит без света и не спит. Я вошла к ней в комнату, включила свет, она тут же попросила его выключить, говорит, что глазам больно, и все твердит: он погиб. Кто, Бора? Кто этот человек? Почему и ты молчишь? Ты же приезжал к ней в Анкару. Ты что-то должен знать! – мать Бирсен заплакала в трубку. – Бора, приходи! Да, в прошлый раз она выгнала тебя. Но сейчас, сейчас, – рыдания помешали ей продолжить, – ... она совсем ослабела.

Бора тут же примчался в дом Бирсен – он и сам переживал за девушку.

– Хорошо, сынок, спасибо, что пришел. Ты ведь знаешь, что у Бирсен ты – самый лучший друг. Я очень надеюсь на твою помощь. Я не понимаю, что с дочкой.

– Я хочу поговорить с ней, можно я войду к ней в комнату? – от волнения у Бору дрожали пальцы.

– Конечно, заходи. Подожди минуточку, я постучу к ней в дверь и скажу, что ты пришел.

– Дочка, к тебе Бора пришел. Можно он войдет?

Ответа не последовало, и мать подтолкнула Бору к двери в комнату Бирсен.

В комнате царил полумрак, шторы на окнах были плотно задернуты, несмотря на день. Бирсен лежала на кровати лицом к стене. Плечи ее исхудали, и она кажется со спины маленькой девочкой-подростком. Бирсен никак не среагировала на звук открывшейся двери и продолжала безучастно лежать.

– Бирсен, как ты? – Бора и сам удивился, с каким трудом ему дался этот простой вопрос.

«Подлец! Мог бы позвонить ей и объясниться!» – пронеслось в голове у Бора. – «Она, бедная, считает, что с ним случилось что-то плохое. Хотя, что может быть хуже лжи?»

– Это ты? – послышался слабый голос Бирсен.

– Я, – почему-то неуверенно произнес Бора.

– Где ты был?

– Ты прогнала меня в прошлый раз, – неуверенно продолжил Бора.

Бирсен повернула к нему свое лицо, но в полумраке сложно было рассмотреть ее глаза – видно было только, что лицо сильно осунулось:

– Подойди ко мне, я хочу посмотреть в твои глаза, – голос Бирсен звучал глухо и безжизненно.

Бора нерешительно сделал пару шагов в сторону дивана, на котором продолжала лежать девушка.

– А теперь скажи: ты правда любишь меня? – говорить ей было тяжело, она делала длинные паузы между словами и глубоко, с шумом втягивала воздух ртом.

– Да, – коротко ответил Бора, все еще не понимая, что происходит.

– Мне душно, у меня останавливается сердце, я его не чувствую. Помогите! – вдруг закричала Бирсен.

Бора кинулся к ней и схватил ее на руки.

– Срочно! Срочно надо вызвать врача, – только и успел он крикнуть.

Бора и мать Бирсен сидели в приемном покое больницы и ждали, когда их примет врач. Скорая, которую вызвала мать Бирсен, примчалась в течение десяти минут. Но эти десять минут показались им обоим долгим часом: Бора несколько раз на руках выносил задыхающуюся девушку на улицу, пытался делать ей искусственное дыхание – отчаянию его не было предела. Мать рыдала и молилась, усиливая и без того тяжелую атмосферу ожидания.

Приехавший врач сделал Бирсен укол, после которого ей стало немного легче, и она смогла дышать. Но чтобы поставить девушке капельницу и провести дополнительные обследования, ее необходимо было отвезти в больницу.

– Заходите, – наконец услышали они голос врача, приглашающего их в его кабинет.

Врач протянул руку навстречу вошедшим и указал на стулья возле его стола

– Приступ мы сняли, – начал он.

Мать Бирсен испуганно вскинула брови:

– Приступ?

– У вашей дочери на фоне сильной депрессии развился кардионевроз, осложненный астматическим приступом. Лекарства я ей выписал: и транквилизаторы, и ингалятор. Но мне хотелось бы понаблюдать развитие болезни в динамике, и поэтому оставить вашу дочь в больнице. Видите ли, сильный стресс спровоцировал цепочку психосоматических заболеваний и таблетки – это, безусловно, хорошо, но чтобы не усугубить течение болезни, мы должны быть уверены, что стрессогенный фактор будет устранен. И тогда можно говорить об успешном излечивании и депрессии, и невроза. А астма, как последствие, зависит от успешности лечения первых двух состояний. Может, я очень много сейчас вам говорю, но в данном случае успех лечения зависит и от окружения девушки. Надеюсь, вы меня понимаете? Так вот, в чем причина стресса?

– Пропал очень дорогой для нее человек, и она решила, что, возможно, он погиб, или, вернее, погиб для нее: он не выходит на связь... Ну, вы понимаете, – глухим голосом ответил Бора.

– А на самом деле? – беспристрастно продолжал свои вопросы доктор.

– На самом деле, он просто сбежал, – решительно выдохнул Бора и поймал на себе удивленный взгляд матери Бирсен. «Сейчас не время играть в молчанку. Она должна поправиться, как бы матери не было тяжело слушать мои откровения,» – подумал Бора.

– Н-да, – раздумывая, протянул врач, – и тот и другой вариант развития событий может заново ухудшить ее состояние. Поэтому, возможно, лучше ей еще какое-то время оставаться в неведении. А препараты будут подобраны для нее индивидуально. Спасибо. Ну так вот, что вы решили на предмет госпитализации?

– Конечно, да, доктор, если это поможет моей дочери стать такой, как прежде, – мать Бирсен заплакала.

– Выпейте воды, успокойтесь, пожалуйста. Мы будем делать все возможное, и вы в свою очередь постарайтесь, чтобы не было никаких стрессов, и напоминаний о событиях прошлого. Особенно, когда мы выпишем девушку из клиники домой: покой, участие, возможно, путешествия и любимые занятия, встречи только с приятными людьми. Никаких нервных перегрузок в течение года. Ну, мы еще успеем это обсудить при выписке. А сейчас необходимо добиться стабилизации ее состояния. Всего хорошего!

Часть двенадцатая

– *Что за птица? Смотри, мой любимый, на асфальте сидит. Что за чудо? Синева – словно неба подарок, серебриста – луны отраженье, а раскроет свое оперенье – солнца луч ослепит!*

– *Называют ее Зимородком не за то, что снег она любит, роет норку в земле-землеродка: вылупляется птенчик в земле! Земородка – так встарь ее звали!*

– *Но как странно, что делает здесь этот птах средь бетона с асфальтом, почему он сюда прилетел?*

– *Странно, милая, видно, потеря и подругу он ищет, несчастный...*

– *Где же дом его?*

– *Ближе к реке! Любит водный он чистый источник. В нем находит свое пропитанье: смело в воду ныряет охотник, доставая рыбежку со дна, и любимой несет тот подарок, прилагая к нему свое сердце. Если примет подарок зазноба, то вдвоем они строят гнездо. Непростое, как многие птицы: норку роют они неустанно, чтобы было глубоким жилище, защищая потомство своё. Каждый год возвращаются снова в дом, построенный вместе с любимой. И красив птах, и сердцем ей верен, и она ему в том не уступит: вместе будут пичуги навек.*

– *Неужели такое бывает?*

– *Да, родная, в любви – наша сила, крылья счастья она нам дает!*

– Бирсен, дочка, как вы устроились? Все хорошо? Очень рада, скучать Вам не придется. Обо мне не волнуйтесь. Да, все в порядке. Обнимаю, привет Боре и Гамзе!

Мать Бирсен положила трубку. И впервые за последний год улыбнулась искренне – как много в этом году было тревожных событий: и отъезд дочери в Анкару, и ее неожиданный побег оттуда, и болезнь, свалившаяся на их семью внезапно.

«Солнце покинуло наш дом и наконец вернулось, слава Аллаху!» – женщина традиционно, как при молитве, приложила руки к лицу.

Бирсен полгода назад выписали из больницы в удовлетворительном состоянии: страхи ее не преследовали, появился аппетит и наладился сон. Однако приступы удушья периодически повторялись, и врач рекомендовал покой и постоянный прием таблеток. Ингалятор же всегда был у девушки под рукой. С Борой отношения у Бирсен потеплели, и молодые люди часто выбирались на природу, захватив с собой и сестру Бору.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.